

БИБЛЕИСТИКА

КРИТИКА ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЯТИКНИЖИЯ СО СТОРОНЫ УМБЕРТО КАССУТО

Часть 2*

Иосиф Александрович Фридман

старший преподаватель кафедры восточно-христианской
филологии и Восточных Церквей богословского факультета ПСТГУ
127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
fridman_iosif@mail.ru

Для цитирования: *Фридман И. А.* Критика документальной гипотезы происхождения Пятикнижия со стороны Умберто Кассуто. Часть 2 // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 18–35. DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.001

Аннотация

УДК 22.04 (221.1)

Настоящая статья по своей тематике и ракурсу рассмотрения является прямым продолжением статьи И. А. Фридмана, опубликованной в № 4 (35) «Богословского Вестника» за 2019 г. Если в предшествующей статье внимание автора было сосредоточено на критике, которой Умберто Кассуто подверг первый из выделенных им самим «столпов» документальной гипотезы, а именно «алгоритм» употребления в тексте Пятикнижия различных

* *Окончание.* Первая часть опубликована: *Фридман И. А.* Умберто Кассуто как критик документальной гипотезы происхождения Пятикнижия // БВ. 2019. № 4 (35). С. 17–37. Статья подготовлена в рамках проекта «Документальная гипотеза в контексте современных теорий происхождения Пятикнижия» при поддержке Фонда развития ПСТГУ. Автор хотел бы выразить искреннюю благодарность всем коллегам по проекту за неоднократное совместное обсуждение темы настоящей статьи, а руководителю проекта М. А. Скобелеву — также за критические замечания к промежуточным вариантам статьи.

Божественных имён, то в настоящей статье в фокусе внимания оказывается критика четырёх остальных «столпов», а именно — вариаций языка и стиля Пятикнижия, содержательных внутренних противоречий в тексте Торы, повторов сюжетных линий и следов сложной структуры в секциях библейского текста. В заключительной части статьи автор уделяет внимание влиянию идей У. Кассуто как библеиста на мировую библеистику второй пол. XX – нач. XXI в.

Ключевые слова: библеистика, библейская критика, Пятикнижие, Шестикнижие, документальная гипотеза, У. Кассуто, Ю. Велльгаузен, язык и стиль Пятикнижия, внутренние противоречия в тексте Пятикнижия, повторы сюжетных линий, (сложные) секции библейского текста.

Criticism of the Documentary Hypothesis of the Origin of the Pentateuch from Umberto Cassuto. Part 2

Iosif A. Fridman

Senior Teacher at the Department of Oriental Christian Philology and Oriental Churches at the St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Theological Faculty
6/1 Likhov pereulok, 127051 Moscow, Russia
fridman_iosif@mail.ru

For citation: Fridman, Iosif A. "Criticism of the Documentary Hypothesis of the Origin of the Pentateuch from Umberto Cassuto. Part 2". *Theological Herald*, no. 4 (43), 2021, pp. 18–35 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2021.43.4.001

Abstract. The present article, in its subject matter and in the way of dealing with the subject, constitutes a direct continuation of the article by I. Fridman bearing the same title which was published in the «Theological Herald» of Moscow Theological Academy, № 4 (35) (2019). In this preceding article the author's attention was concentrated on the criticism to which U. Cassuto subjected the first of the «pillars» of the Documentary Hypothesis (singled out by himself), to wit — the peculiarities of using the Divine names in the text of the Pentateuch. In the present article the author's attention is focused on investigating the four remaining «pillars» of the hypothesis, namely — the variations of language and style within the Pentateuch, the contradictions and divergences of view, the duplications and repetitions as well as the traces of composite structure in some of the sections of the Torah. In the concluding part of the article the author draws the reader's attention to the influence exercised by Cassuto's ideas upon the Bible studies worldwide in the second half of the 20th as well as the beginning of the 21st centuries.

Keywords: Bible studies, biblical criticism, Pentateuch, Hexateuch, Documentary Hypothesis, U. Cassuto, J. Wellhausen, language and style of the Pentateuch, contradictions and divergences of view in the text of the Pentateuch, duplications and repetitions, (composite) sections of the biblical text.

Настоящая работа по своей тематике является продолжением статьи, опубликованной в № 4 (35) «Богословского Вестника» за 2019 г. В нашей предыдущей статье мы подробно рассмотрели критику Умберто Кассуто одного из основных теоретических положений, на которых зиждется документальная гипотеза, а именно — анализа употребления имён Божиих в тексте Ветхого Завета (прежде всего — Пятикнижия Моисеева). В настоящей работе мы продолжим и закончим рассмотрение критики документальной гипотезы, представленной в книге У. Кассуто «Документальная гипотеза и происхождение Пятикнижия»¹.

«Вариации языка и стиля» Пятикнижия

Завершив анализ употребления имён Божиих в текстах Ветхого Завета, У. Кассуто переходит к обсуждению второго из «столпов», на которые опирается документальная гипотеза в своём классическом выражении — вариаций языка и стиля, т. е. различий между разными перикопами библейского текста в том, что касается лексики, грамматического оформления, идиоматики.

Первым среди европейских учёных, кто попытался более или менее точными методами обосновать лингвостилистические различия между разными текстами Св. Писания, был немецкий исследователь И. Г. Эйхгорн (1752–1827). Он и его последователи составили длинные списки слов и грамматических форм, характеризующих тот или иной из постулируемых ими источников текста (документов). Выведенные ими правила получили практически всеобщее признание в научном мире.

В качестве примера трактовки языковых различий этими исследователями У. Кассуто приводит следующий хорошо известный библеистам факт: для обозначения понятия ‘рождать (потомство)’ ветхозаветные писатели используют то непроизводный глагол *yālaq*, то полученный от этого же корня в результате каузативной трансформации глагол *hōliq*. Откуда происходит такое лексическое различие? Для сторонников документальной гипотезы ответ представляется достаточно простым: лексическое различие это сигнализирует о том, что перед нами — текстовые фрагменты, взятые из различных источников, слитых затем в единый текст в результате работы редакторов. Этот вывод, в свою

1 Cassuto U. The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch. Jerusalem; New York (N.Y.), 2008.

очередь, помогает сделать следующие два заключения: а) гипотеза о наличии нескольких документальных источников получает дополнительное подтверждение, и б) открывается возможность определить обстоятельства возникновения тех пассажей, происхождение которых ранее представлялось трудно установимым. Таким образом, если исследователь устанавливает, допустим, что глагол *yālaq* используется Яхвистом, а глагол *hōliq* — автором Священнического Кодекса, то это позволяет ему утверждать, что любой текст Св. Писания, в котором использован глагол *yālaq*, написан Яхвистом, а любой фрагмент, в котором встречается глагол *hōliq*, составлен писателем Священнического Кодекса.

В действительно, однако, с точки зрения У. Кассуто дело обстоит не столь просто. Для того, чтобы доказать фундаментальную правоту исследователей, сторонников документальной гипотезы, нам придётся сначала убедительно продемонстрировать, что подобные различия действительно составляют перемену языка. Возвращаясь к приведённому только что примеру, мы должны будем доказать, что глагольные лексемы *hōliq* и *yālaq* принадлежат двум разным лингвистическим школам и что они действительно несовместимы в рамках единого текста. Но прежде, чем переходить к такому доказательству, мы должны условиться о том, чтобы избегать следующих трёх вещей: а) опоры на языковые особенности в попытке определить происхождение текстовых фрагментов, которые потом будут использоваться с целью определения лингвистических характеристик постулируемых нами источников. Ясно, что подобная методология привела бы нас к порочному кругу, б) эмендации текстовых фрагментов с целью привести их в соответствие с нашей теорией, и в) «механического» рассмотрения лексем и словоформ, будто бы они изъяты из контекста или будто бы контекст не может влиять на их семантику. Между тем сторонникам документальной гипотезы не всегда удавалось избегать попадания в подобные «ловушки», и это Кассуто демонстрирует ниже.

Правило, сформулированное сторонниками документальной гипотезы, гласит, что глагол *yālaq* (порода Qal) обычно используется по отношению к *матери* и не встречается в приложении к отцу; единственное исключение составляет источник J (Яхвист), в котором *yālaq* применяется и по отношению к отцу. Так, например, в генеалогии потомков Каина (гл. 4), включённой в источник J, и в родословии Нахора (22, 20–23), также относимом к J, по отношению к отцам неоднократно используется глагол *yālaq*. С другой стороны, в родословии Ноя (гл. 5) и в родословии патриархов от Ноя до Авраама (11, 10–26) (оба эти текста

включены сторонниками документальной гипотезы в источник P), по отношению к отцам используется исключительно глагол *hōlīq* (каузативная по своему основному значению порода *Ḥipšīl*).

Однако данное правило, по словам У. Кассуто, вполне может быть подвергнуто критическому анализу. Мы обнаруживаем, что Тетраграмматон, основной признак источника J, отсутствует в родословии потомков Каина; это имя Божие присутствует лишь в предшествующем этому родословию повествовании о Каине и Авеле. В соответствии со своей методикой сторонники документальной гипотезы должны были бы включить эти два текста в два различных источника. Однако в действительности дело обстоит как раз наоборот: оба упомянутых текста включаются в источник J; более того, среди доводов в пользу такого объединения сторонники документальной гипотезы приводят и использование в обоих текстах глагола *yālaq*. Эта же мотивация побуждает их включать в документ J и родословие Нахора. Таким образом, сторонники документальной гипотезы попадают в порочный круг аргументации: вначале эти пассажи включаются в один и тот же источник J, так как все они содержат глагол *yālaq*, а затем отсюда выводится умозаключение о том, что употребление глагола *yālaq* по отношению к мужчинам есть характерный признак источника J.

В этой связи У. Кассуто напоминает, что глагол *yālaq* «рождать» достаточно распространён в библейских текстах в значении, являющемся первичным и основным для глагола *hōlīq* — «заставлять рожать, выступать инициатором рождения» — подобные высказывания встречаются в поэтических текстах Торы (ср., например: Втор. 23, 18) и даже за пределами Пятикнижия (ср.: Ос. 5, 7; Пс. 2, 7 и др.). Эти случаи служат доказательством того, что различие между употреблением глаголов *yālaq* и *hōlīq* сформулировано сторонниками документальной гипотезы неверно. Возникает вопрос: а можно ли вообще сформулировать его верно? У. Кассуто отвечает на этот вопрос утвердительно.

Решение проблемы, с его точки зрения, кроется в грамматических формах, в которых употребляются оба глагола. Глагол *yālaq* используется в формах перфекта (*yālaq* и пр.) и причастия, обыкновенно выражающего настоящее время (*yōlēq*). Что же касается имперфекта (*yēlēq* и пр.), а также «перевёрнутого» имперфекта (*wayyēleq* и пр.), то в этих грамматических формах глагол *yālaq* употребляется только по отношению к матери, по отношению же к отцу последовательно применяются формы глагола *hōlīq* (соответственно *yōlīq* и *wayyōleq*). Последнее правило распространяется также на инфинитивы (*lēdeq*, *ʔahārē liqtāh*

по отношению к матери / *hōlīq*, *ʔaḥārē hōlīqō* по отношению к отцу). Именно этот языковой узус, общий всем носителям древнееврейского языка, а отнюдь не идиолект того или иного священного писателя стоит за данным различием в использовании двух однокоренных глаголов².

В таком же ключе У. Кассуто обсуждает и целый ряд других лингвистических особенностей Пятикнижия, которые сторонниками документальной гипотезы трактуются как более или менее веские подтверждения документальной гипотезы. В каждом из таких случаев У. Кассуто производит детальный лингвистический анализ рассматриваемых текстов и показывает, что различия в употреблении тех или иных языковых единиц можно вполне объяснить, не прибегая к постулированию существования источников различного времени и авторства.

«Внутренние противоречия» в тексте Пятикнижия

Следующий пункт полемики У. Кассуто с документальной гипотезой — внутренние противоречия, усматриваемые сторонниками документальной гипотезы в тексте Пятикнижия. Эти внутренние противоречия принадлежат нескольким сферам ветхозаветной культуры: религиозно-этической, богослужебной, военно-политической, традиционно-бытовой.

Одной из наиболее важных категорий противоречий между источниками, постулируемыми в рамках документальной гипотезы, является ветхозаветное представление о Боге и об отношениях, в которых Он находится с человечеством. Для Яхвиста YHWH есть народный Бог сынов Израилевых и в то же время Бог всего человечества в целом. Этот источник представляет Бога не как абстрактное Существо, не вникающее в дела созданного Им мира; напротив, YHWH представлен как Личность, обладающая чувствами, аналогичными человеческим, и находящаяся в сугубо личных отношениях с людьми, в особенности — с людьми, верующими в Истинного Бога.

2 Смешение значений двух указанных глагольных лексем в формах перфекта У. Кассуто объясняет следующим образом: если в начале того или иного пассажа употреблён глагольный корень *yld* в породах Qal или Nipʕal по отношению к матери, то автор текста и в дальнейшем будет употреблять эту же глагольную лексему, в том числе и по отношению к отцу. Если же фрагмент начинается с глагола *hōlīq* или с образованного от последнего существительного *tōlādōt* «родословие», то далее используется глагол *hōlīq* вне зависимости от того, к референту какого пола он относится.

Концепция Божества, представленная в текстах, относимых к источнику Е, весьма отличается от взглядов Яхвиста. Эту концепцию можно охарактеризовать как более возвышенную, как бы помещающую Бога на большем расстоянии от созданного им человечества. Явления Бога Его избранникам описываются источником Е как гораздо менее связанные с телесным обликом Божества; вплоть до времени пророка Моисея Элохист вообще не знает ни об одном Богоявлении посреди дня, и даже ночные теофании неизменно облакаются здесь в форму сновидений.

Что касается источника Р, то его отличие от J в рассматриваемом аспекте ещё более бросается в глаза. «Священническую» концепцию Божества сторонники документальной гипотезы характеризуют как абсолютно трансцендентную. Антропоморфизмы в описании Бога здесь встречаются лишь в тех крайне редких случаях, когда они совершенно необходимы для объяснения Божественной жизни. В описании теофаний источник Р проявляет предельный и граничащий с сухостью лаконизм: нигде не говорится ни о сновидениях, ни — тем более — о явлениях Бога в телесном облике, автор рассматриваемых текстов просто сообщает о том, что Бог «говорил» с кем-либо из Своих избранников.

У. Кассуто подчёркивает, что указанные различия между разными текстами Пятикнижия в какой-то мере являются действительно существующими, что они не целиком и полностью придуманы библейской критикой, и говорит о том, что эти различия могут действительно отражать несколько разные традиции в восприятии Бога Израилева. Однако вышеуказанная разница в описании Бога между источниками J, с одной стороны, и Е и Р, с другой, может вполне удовлетворительно быть объяснена исходя из той самой разницы в употреблении Божественных имён *YHWH* и *ʾĒlōhīm*, с детального анализа которой У. Кассуто начинает свой курс лекций. Расширяя рамки этого анализа, У. Кассуто приводит следующий развёрнутый пример, носящий характер притчи: давайте представим, что некто пишет биографию своего отца, известного учёного. В этой биографии он описывает частную жизнь отца, его отношения со студентами университета, в котором отец преподавал, его научную работу. Весь имеющийся в его распоряжении материал автор биографии располагает не в тематическом, а в хронологическом порядке, так что в одной и той же главе книги можно встретить располагающиеся вперемешку сведения и о первом, и о втором, и о третьем аспектах жизни отца. Давайте представим, далее, что студенты и почитатели

отца называли его «профессором»³; они прекрасно знали, что в мире существует множество профессоров, но для них он был единственным в своём роде. Без сомнения, автор биографии, рассказывая о семейной жизни своего отца, будет называть его «отцом»; повествуя же о его жизни в кругу студентов и коллег и о его научной деятельности, автор, вероятнее всего, воспользуется тем самым обозначением отца как «профессора», которое было общепринятым именно в этом кругу.

Предположим теперь, что несколько веков или тысячелетий спустя это биографическое сочинение попало на глаза исследователю. Если этот исследователь будет работать по методике авторов документальной гипотезы, то ничто не помешает ему предположить, что различные обозначения героя книги — «отец» и «профессор» — свидетельствуют о том, что мы имеем дело с различными источниками, принадлежащими перу разных писателей. Этот же тезис в его глазах будет обретать дополнительное подтверждение в том факте, что в исследуемой книге он находит различные тексты — с одной стороны, рассказы о семейной жизни героя, с другой, повествования о его университетской и научной жизни. Основываясь на подобных умозаключениях, исследователь объявит о том, что анализируемое сочинение представляет собой компиляцию из трёх источников: те части текста, где герой назван «отцом», принадлежат одному из источников; те фрагменты, в которых герой назван «профессором» и которые носят нарративный характер, принадлежат второму; наконец, отрывки, где герой также именуется «профессором», но стиль которых сугубо научен, принадлежат третьему из постулируемых источников. Исследователь, однако же, не ограничится произведением подобного деления текста; он станет утверждать, что три источника описывают одного и того же героя совершенно различными способами: для первого источника «отец» — примерный семьянин, проводящий много времени в кругу семьи и целиком живущий её интересами; в глазах второго автора «профессор» целиком поглощён своими взаимоотношениями со студентами и коллегами по университету; третий же биограф рисует перед нами образ учёного, целиком ушедшего в свою научную работу.

Указанные тезисы воображаемого исследователя будут выглядеть весьма правдоподобными в глазах многих его современников, и, однако же, как знаем мы, тезисы эти не отражают реального положения вещей. Подобным же образом обстоит дело и с Торой — она учит

3 В английском тексте данное слово употреблено с определённым артиклем — «the professor».

о том, что Божество имеет различные аспекты, как бы разные «лики», что не препятствует Ему быть Единым Истинным Богом.

Далее У. Кассуто затрагивает противоречия, обнаруживаемые сторонниками документальной гипотезы в этической сфере. Согласно источникам J и E, патриархи, с одной стороны, идеализируются как носители высоких моральных качеств (вера Авраама, праведность Иосифа), с другой же, в повествованиях об их жизни приводится и ряд рассказов о поступках, небыстречных с нравственной точки зрения (например, рассказ о получении Иаковом отцовского благословения вместо Исава (Быт. 27, 1–41)). По этой причине сторонники документальной гипотезы утверждают, что нравственное сознание у авторов источников J и E было несовершенным, в то время как нравственность источника P, напротив, отличается совершенной безукоризненностью.

Не может быть никаких сомнений в том, что Иаков и его мать Ревекка совершили серьёзный грех; однако главный вопрос заключается не в той нравственной оценке, которую этому событию даём мы, а в той, которую даёт Тора. Прежде всего, как рассматриваемое, так и целый ряд других повествований о подобных событиях в Ветхом Завете отличаются «прикровенностью» нравственной оценки со стороны их авторов: духовный писатель как бы не желает брать бремя нравственной оценки на себя самого и вместо этого обнаруживает свою (и Божию) оценку свершившегося рассказами о том, что последовало в жизни героев за теми или иными неблагоприятными поступками. Что же произошло после получения отцовского благословения с Иаковом? Он провёл многие годы на чужбине, вдалеке от родной земли. Как если бы одного этого не хватало для праведного наказания, с Иаковом случилось то, что обнаруживает прямую параллель в рассказе о его юношеском грехе: тогда Иаков воспользовался темнотой, застилавшей очи его отца, чтобы обманным путём получить благословение, ныне же Иаков, отработав семь лет на Лавана, ожидал, что Лаван будет верен обещанию и даст ему в жёны любимую им Рахиль, однако Лаван вместо этого, также воспользовавшись темнотой, обманом ввёл к нему другую свою дочь, Лию. Одна сестра вместо другой — в точности как за много лет до этого, когда Иаков вошёл в шатёр своего отца вместо брата.

Что касается Ревекки, то, советуя своему младшему сыну обманом получить благословение, она говорит ему: *Теперь, сын мой, послушайся слов моих в том, что я прикажу тебе* (Быт. 27, 8). Вскоре же, когда Исава замыслил убийство брата, Ревекка вынуждена подать Иакову ещё один совет — на этот раз его следствием станет разлука матери

с любимым ею сыном. Более того, она вынуждена предпослать этому второму совету те же слова, что и первому: *и теперь, сын мой, послушайся слов моих* (Быт. 27, 43). Так священный писатель, нигде не высказывая прямо своё личное (и даже Божие!) осуждение поступка Иакова и его матери, самым повествованием о ходе событий даёт ему оценку гораздо более глубокою и запоминающуюся.

В заключение своего рассуждения о внутренних противоречиях в тексте Пятикнижия У. Кассуто останавливается на явном, бросающемся в глаза противоречии в сведениях о жёнах Исава. В Быт. 26, 34 и Быт. 28, 9 сообщается, что Исава взял в жёны Иегудифу, дочь Беэра Хеттеянина, Васемафу, дочь Елона Хеттеянина, и Махалафу, дочь Измаила. С другой стороны, в «родословии Исава» (Быт. 36, 2–3) говорится о взятии Исавом в жёны Ады, дочери Елона Хеттеянина, Оливемы, дочери Аны, сына Цивеона Евейянина, и Васемафы, дочери Измаила. Все усилия толкователей примирить данное противоречие в сведениях оказались тщетными. С точки зрения последователей документальной гипотезы, противоречие это разрешается тем, что одни данные приписываются одному из источников, другие же — другому. Однако, как справедливо отмечает У. Кассуто, вместо того чтобы решить проблему, эта методология в данном случае лишь перемещает «вину» за несоответствие с автором текста на его позднейшего редактора — хотя как раз редактору и надлежит быть ответственным за правильность и гармонию данных в ещё большей степени, нежели автору. Предположение, что в рассматриваемом случае редактор не решился вносить в текст какие-либо изменения, возможно, из благоговения перед старинным преданием, также не выдерживает критики: ведь сами сторонники документальной гипотезы настаивают на том, что в большом количестве иных случаев именно редактор библейского текста вносил в него изменения, дополнения, сокращения и т. п.

Задаваясь вопросом, а можно ли в данном случае, как и в ряде сходных с ним, всё-таки прийти к решению проблемы, У. Кассуто отвечает на него утвердительно: очевидно относительно идентичности и имён жён Исава у израильтян существовало два различных предания, и автор (или авторы) данных текстов Торы не пожелал, отбросив одно из них, отдать однозначное предпочтение второму. В качестве аналогии и одновременно обоснования для подобного решения Кассуто приводит талмудическую литературу, где схожих случаев «легион»⁴.

4 *Cassuto U. The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch. P. 81.* Важно отметить, что здесь У. Кассуто, говоря о существовании у древних израильтян двух

«Повторы сюжетных линий»

Рассмотрев проблему внутренних противоречий между текстами Торы, У. Кассуто переходит к следующему «столпу» документальной гипотезы — повторам сюжетных линий. Любой читатель книги Бытия знает о том, что некоторые сюжеты в этой книге повторяются дважды или даже трижды. Повторы эти бывают двойкой природы. Во-первых, некоторые повествования могут относиться к одному и тому же предмету, представляя его под различными углами зрения. Таковы, в частности и в особенности, два рассказа о «начале времён» — повествование о сотворении мира (Быт. 1, 1–2, 3) и следующий непосредственно за ним рассказ о первых днях творения с преимущественным вниманием к сотворению человека (Быт. 2, 4–25). Для подобных повторов У. Кассуто предлагает использовать термин «дубликаты» (англ. duplications). Во-вторых, в параллельных перикопах может идти речь о различных по времени и месту событиях, которые тем не менее настолько сходны друг с другом, что допустимо предположение о том, что они являются двумя дивергентными версиями одного и того же нарратива. Для таких случаев У. Кассуто использует термин «повторы» (англ. repetitions). Классический пример повтора — три рассказа о перипетиях жён патриархов, Сары и Ревекки, в Египте и в Герае (Быт. 12, 10–20; 20, 1–18; 26, 7–11).

Дубликаты и повторы рассматриваются сторонниками документальной гипотезы как одно из наиболее веских доказательств в пользу истинности их «теории источников». В связи с этим У. Кассуто предлагает свой собственный анализ вышеупомянутых дублета и повтора.

Что касается дублетных нарративов о первых днях творения, то последователи Ю. Велльгаузена относят первый из этих рассказов (Быт. 1, 1–2, 3) к источнику P (здесь в качестве имени Божия используется исключительно лексема *’Ēlōhīm*), второе же повествование (Быт. 2, 4–25) приписывают источнику J (здесь используется имя Божие *YHWH ’Ēlōhīm* «Господь Бог»). Для непредубеждённого читателя ясно большое различие между этими двумя разделами в трактовке избранной темы. В первом повествовании Бог как Творец предстаёт во всём Своём величии; Он — Бытие, трансцендентное по отношению

различных по содержанию преданий об Исаве, фактически совершает шаг навстречу документальной гипотезе, так как признаёт принципиальную возможность наличия в библейском повествовании отражений различных преданий об одном и том же событии. Подобная позиция израильского исследователя в определённом смысле сближает его с такими ведущими западными библеистами, как Г. Гункель и М. Нот, также допускаями факт наличия устных преданий.

к создаваемому Им материальному миру и не находящееся в прямом контакте со Своими творениями. Второй же раздел содержит исполненный драматизма рассказ, в котором Бог изображён в непосредственном контакте с тварями, и в особенности — с человеком; рассказ этот обращён более к эмоциям читателя, нежели к его интеллекту.

В эпоху создания Торы в среде израильтян, несомненно, уже существовали предания о сотворении мира — ведь этой теме посвящены предания практически всех сколько-нибудь значительных этносов древнего Ближнего Востока. Среди этих преданий были такие, которые были известны лишь в сравнительно узком кругу «мудрецов», и такие, которые имели хождение в простонародной среде. Естественно поэтому, что создатели Торы не игнорировали эти уже существовавшие к тому времени предания а, напротив, заняли по отношению к ним чёткую позицию, научающую отбрасывать в этих традициях случайное и наносное и воспринимать истинное. Тора как бы избрала из этих преданий лишь то, что отвечало её главной цели — научить израильский народ исповеданию Единого Истинного Бога. Этой цели служили как предания «мудрецов», так и легенды, распространённые в израильском народе в целом. У. Кассуто полагает, что традиции первого рода были использованы при создании первого повествования о сотворении мира, в то время как традиции второго рода послужили исходным материалом для нарратива о первых днях творения с преимущественным вниманием к сотворению человека⁵.

Переходя к анализу трёх параллельных повествований о происшествии с жёнами патриархов (Быт. 12, 10–20 — Аврам и Сара в Египте; Быт. 20 — Авраам и Сарра в Гераре; Быт. 26, 7–11 — Исаак и Ревекка в Гераре), У. Кассуто отмечает существование поразительных параллелей между первым из этих рассказов и ситуацией переселения Иакова с его сыновьями и всем родом в Египет и последующего египетского рабства, описываемой в ряде последних глав книги Бытия и в начале книги Исхода. Так, в Быт. 12, 10 говорится: *и был голод в той земле... потому что усилился голод в земле той*; прямую параллель этому сообщению находим в Быт. 43, 1: *голод усилился на земле*, и в Быт. 47, 4:

5 Далее У. Кассуто подробно рассматривает пять частных, но также немаловажных противоречий, находимых в рассматриваемых двух отрывках книги Бытия. Поочерёдно анализируя каждое из них, он приходит к выводу о том, что в каждом конкретном случае усматриваемое сторонниками документальной гипотезы противоречие является лишь кажущимся, так как в каждом случае в общем широком контексте библейского нарратива ему может быть найдено рациональное объяснение.

ибо в земле Ханаанской сильный голод. Вот ещё ряд содержательных параллелей между этими двумя нарративами: Быт. 12, 10: и сошел Аврам в Египет, пожить там / Быт. 47, 4: и сказали они (братья Иосифа) фараону: мы пришли пожить в этой земле⁶; Быт. 12, 12 (слова Аврама Сары): и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых / Исх. 1, 16 (приказ фараона повивальным бабкам): если будет сын, то умерщвляйте его, а если дочь, то пусть живет; Сара отнята у Аврама и взята в фараонов дом как служанка (Быт. 12, 14–15) / сыны Израилевы после смерти фараона, который знал Иосифа, становятся в Египте рабами (Исх. 1, 8 и сл.); выходя из Египта, Аврам был очень богат скотом, и серебром, и золотом (Быт. 13, 2) / И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу [Своему] в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян (Исх. 12, 35–36).

Список этих весьма важных содержательных параллелей можно было бы и продолжить, завершив его так: после своего ухода из Египта вместе с Сарой Аврам достиг жертвенника, который он выстроил прежде между Вефилем и Гаем, и там призвал имя Господа (Быт. 13, 3–4) / именно между Вефилем и Гаем сыны Израилевы провели первое из настоящих сражений с ханаанеями после вступления в Землю Обетованную (Нав. 7, 2–5). Можно было бы и обратить внимание на очевидный параллелизм между странствованиями Аврама перед его исшествием в Египет и маршрутом переселений Иакова после его исхода из Паддан-Арама, где он работал на Лавана, а также на определённое сходство обоих этих путешествий с географией продвижения израильтян после их вхождения в Землю Обетованную под руководством Иисуса Навина. Все эти параллели, безусловно, не просто случайные совпадения. С точки зрения священного писателя, они представляют собой те уроки, которые отцы-патриархи оставили своим детям, образовавшим израильский народ. Главный урок состоит в том, что завоевание земли Ханаанской уже произошло — символически — во дни патриарха Авраама. И Авраам, и другие патриархи покупали у ханаанеян участки земли, прообразуя тем самым переход всей Земли Обетованной под власть избранного народа; эти же грядущие завоевания прообразовало и нападение Симеона

6 Примечательным образом в обоих данных контекстах употреблён древнееврейский глагол *gār*, основное значение которого «жить в какой-либо местности на правах метека — переселенца, не обладающего полной прав, характерной для коренных жителей местности» (ср. словарную статью данного глагольного корня в: *Brown F., Driver S., Briggs C. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon. [S. l.], 1999. P. 157–158).*

и Левия на Сихем, описанное в Быт. 34. На этих примерах пронизательный и внимательный читатель должен был научиться пониманию того, что слово Божие пребывает нерушимым вовек и что покровительство Божие Аврааму будет со временем в полноте своей перенесено на вышедший из его чресл народ.

Теперь, после того как изучено скрытое значение первого из трёх параллельных повествований о жёнах патриархов, мы вполне можем понять такое же значение и остальных двух рассказов. В эпоху создания Торы среди израильтян имели хождение целый ряд преданий о патриархах — родоначальниках еврейского народа; и создатели Торы выбрали из числа этих сказаний те, которые отвечали их целям. Нет ничего странного в том, что в Тору вошли три весьма схожих, но всё же различных повести о перипетиях судьбы жён патриархов. В качестве внебиблейской параллели этим повествованиям У. Кассуто приводит две схожие истории о римских воинах, отце и сыне, вошедшие в исторический труд Тита Ливия⁷. То, что происходит дважды или трижды, человеческое сознание склонно рассматривать как твёрдо установившееся, неотменимое⁸. Символическое «завоевание» Ханаана Авраамом впоследствии было повторено Иаковом, чтобы получить полное завершение во времена Иисуса Навина. Подобно этому урок, который несёт в себе рассказ о происшедшем с Авраамом и Сарой в Египте, гораздо лучше впечатлевается в умах и сердцах читателей, если получает подтверждение от двух других похожих рассказов.

«Сложная структура» в секциях библейского текста

В последнюю очередь У. Кассуто говорит о таком «столпе» документальной гипотезы, как признаки сложной структуры в секциях⁹. Если выше рассматривались дублиеты и повторы библейских повествований, то сейчас автор переходит к параллелям, которые обнаруживаются внутри ветхозаветных повествований между входящими в них стихами. В глазах большинства библейских критиков существование этих внутренних параллелей может быть объяснено лишь тем, что редактор(ы) библейского текста занимались его компоновкой из разных

7 Ср.: *Titus Livius. Ab Vrbe condita libri VIII, 9; X, 28.*

8 Ср. в этой связи слова Иосифа, обращённые к фараону: «*ка что сон повторился фараону дважды, это значит, что сие истинно слово Божие, и что вскоре Бог исполнит сие*» (Быт. 41, 32).

9 Англ. composite sections.

источников, говоривших об одном и том же событии, и как бы «сшивали» единый текст из «лоскутов» различного происхождения.

Для того, чтобы подвергнуть данное положение документальной гипотезы критическому анализу, У. Кассуто избирает особенно показательную, с его точки зрения, секцию текста — повествование о благоговении Исааком его сына Иакова (Быт. 27). Большинство комментаторов полагает, что данное повествование составлено из первоначальных текстов, принадлежащих двум источникам — J (Яхвисту) и E (Элохисту). В качестве примера подобного критического анализа У. Кассуто приводит воззрения Г. Гункеля. Г. Гункель отправляется от стихов 15–16. В первом из них говорится о том, что Ревекка надевает на Иакова одежду Исава; во втором — о том, что она же покрывает гладкие руки и шею Иакова мохнатой кожей козлят. Согласно теории Г. Гункеля, стих 15, как и все стихи и полустихия в этой секции, в которых прямо упоминается или с которыми косвенно связана одежда Исава, принадлежит источнику J; с другой стороны, стих 16, как и все стихи и полустихия в этой секции, в которых прямо упоминается или с которыми косвенно связана кожа козлят, принадлежит источнику E.

У. Кассуто предлагает поочередно, в строгом порядке, проанализировать каждый стих данного нарратива. Шаг за шагом, стих за стихом он демонстрирует целостность библейского текста, в том числе привлекая аргументы лингвистического и стилистического характера, в противоположность последователям Велльгаузена, которые видят в данном фрагменте, как и во многих других, «лоскутное» единство, возникшее в результате работы библейского редактора.

Заключение

Для того, чтобы верно оценить масштаб и конкретный характер вклада Умберто Кассуто в библейскую науку, следует прежде всего обратить внимание на то, что в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. документальная гипотеза в том наиболее целостном и последовательном виде, в котором она была изложена Ю. Велльгаузеном, выполняла функцию научной парадигмы в самом точном значении этого термина. Несколькими перефразируя слова Х. Грессмана, издателя журнала «*Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft*»¹⁰, можно утверждать, что принятие

10 Позиция Х. Грессмана излагается по: *Cassuto U. The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch. P. VIII.*

или непринятие документальной гипотезы служило в рассматриваемую эпоху своего рода «пробным камнем», главным критерием, который либо позволял зачислить того или иного исследователя в полноправные члены научного сообщества, либо — в случае непринятия им основных положений документальной гипотезы — отказать ему в полноправном членстве в этом сообществе и даже в звании учёного, человека науки как таковом. Именно на того, кто принципиально не принимал деления текста Пятикнижия на источники, научное сообщество возлагало бремя доказательства его позиции и, более того, весьма пристрастно воспринимало такие попытки доказательства, если они всё-таки предпринимались.

Таким образом, если сам Ю. Велльгаузен склонен был именовать систему своих взглядов на происхождение Шестикнижия «теорией» или «гипотезой», вкладывая в эти обозначения обыкновенно присущий им характер неокончателности, открытости для обсуждения и для споров, то его последователи, начиная от самых хронологически близких к нему, фактически построили на базе документальной гипотезы, пользуясь красочным сравнением У. Кассуто, великолепное здание, в котором горделивые служители продолжают «его строительство и усовершенствование и всё ещё заняты украшением его залов и доведением до совершенства его башен»¹¹.

У. Кассуто был одним из первых учёных (если не самым первым), которые не только поставили своей задачей полное отвержение принципа деления текста Пятикнижия на документы-источники, но фактически и превзошли поставленную задачу, построив новое здание на месте старой структуры. Отказавшись от фрагментации библейского текста на составляющие его источники, У. Кассуто вместо этого предложил рассматривать его как единое структурное целое, в котором тщательно продуманы каждое выражение и каждый оборот речи. И тогда то, что рассматривалось сторонниками документальной гипотезы как повтор или противоречие в тексте Св. Писания, предстанет перед нами как намеренно введённый литературный приём, способствующий краткости и в то же время семантической наполненности и многоплановости текста. Прав был Джошуа Берман, автор предисловия ко второму изданию английского перевода рассматриваемой книги У. Кассуто, утверждая, что последний «представляет собой стержневую фигуру в процессе смены парадигмы в современной библеистике, перешедшей от критики источников к литературной критике»¹².

11 *Cassuto U. The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch. P. 117.*

12 *Ibid. P. XII.*

В 1985 г. Александр Рофе, выступая в Еврейском университете в Иерусалиме на праздновании столетнего юбилея У. Кассуто¹³, особо отметил уникальность фигуры У. Кассуто среди других итальянских библеистов: в ту эпоху, когда только нарождавшаяся итальянская библейская наука не могла соперничать с немецкой, а католическая Церковь ещё не принялась за научное исследование Писания, У. Кассуто использовал методiku, предпосылкой для успешного применения которой стало отличное владение всей совокупностью иудейского и библейского культурного наследия, а также классической и гуманистической европейской культуры. Кроме того, флорентийский учёный проявлял большой интерес к только что открытой в те годы угаритской письменности и цивилизации и одним из первых стал регулярно и содержательно сопоставлять угаритское эпическое творчество с мифопоэтическим наследием древних евреев¹⁴. Однако несмотря на убеждённость учёного в том, что ему удалось продемонстрировать несостоятельность документальной гипотезы, труды Кассуто-библеиста в десятилетия, последовавшие за его кончиной, были фактически обойдены молчанием. Ряд исследователей (прежде всего О. Айссфельдт, Р. Х. Пфайффер и Дж. А. Соггин) отмечали то значение, которое У. Кассуто ещё до выхода в свет трудов скандинавской школы библеистики придавал иудейскому устному преданию; несмотря на это, в одном из последних справочных изданий по Пятикнижию¹⁵ имя У. Кассуто вообще не упомянуто даже в списке «аутсайдеров», критиковавших документальную гипотезу. Лишь кризис, который в наши дни переживает документальная гипотеза в её классическом варианте, заставляет некоторых экзегетов (например, Г. Рендсбурга) вновь обращаться к сочинениям У. Кассуто. Между тем научное наследие итальянско-израильского библеиста заслуживает более глубокого и разностороннего внимания — к взаимодействию между еврейским и ханаанейским социумами, к использованию различных имён Бога как литературному приёму, к различию между эпической поэзией и прозой, а также к тонкому и умелому анализу языковых данных библейского иврита.

13 Rofé A. La critica biblica di Umberto Cassuto // La Rassegna Mensile di Israel. Vol. 82. № 2–3. Umberto Cassuto: Maestro di Bibbia nel Paese della Bibbia: Tomo 1 (Maggio-Dicembre 2016). P. 239–248.

14 Его главный труд на эту тему — книга: *Cassuto U. The Goddess Anath: Canaanite Epics on the Patriarchal Age*. Jerusalem, 1971. (Ивритский оригинал книги был опубликован в Иерусалиме в 1951 г.).

15 *Pury A. de, Römer Th.* (eds.) *Le Pentateuque en question*. Genève, ³2002. P. 46–48.

Источники

Cassuto U. The Goddess Anath: Canaanite Epics on the Patriarchal Age. Jerusalem: Magnes Press, 1971.

Cassuto U. The Documentary Hypothesis and the Composition of the Pentateuch. Jerusalem; New York (N.Y.): Shalem Press, ²2008.

Литература

Brown F., Driver S., Briggs C. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon. [S. l.]: Hendrickson Publishers, ⁴1999.

Pury A. de, Römer Th. (eds.) Le Pentateuque en question. Genève: Labor et Fides, ³2002.

Rofé A. La critica biblica di Umberto Cassuto // La Rassegna Mensile di Israel. Vol. 82. N° 2–3. Umberto Cassuto: Maestro di Bibbia nel Paese della Bibbia: Tomo 1 (Maggio-Dicembre 2016). P. 239–248.